НАУЧНАЯ АРТЕЛЬ
АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

16+

ISSN (p) 2712-9497
ISSN (e) 2542-1034

№ 2/2026

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«EO IPSO»

Москва
2026

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «EO IPSO»

Учредитель:
Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Научная артель»

ISSN (p) 2712-9497
ISSN (e) 2542-1034

Периодичность: 1 раз в месяц

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке elibrary.ru по договору №511-08/2015 от 06.08.2015

Журнал размещен в международном каталоге периодических изданий Ulruch's Periodicals Directory.

Верстка: Мартиросян О.В.
Редактор/корректор: Мартиросян Г.В.

Учредитель, издатель и редакция
научного журнала «EO IPSO»
Академическое издательство «Научная артель»:
+7 (495) 514 80 82
https://sciartel.ru
info@sciartel.ru
450057, ул. Салавата 15

Подписано в печать 02.02.2026 г.
Формат 60x90/8
Усл. печ. л. 01.40
Тираж 500.

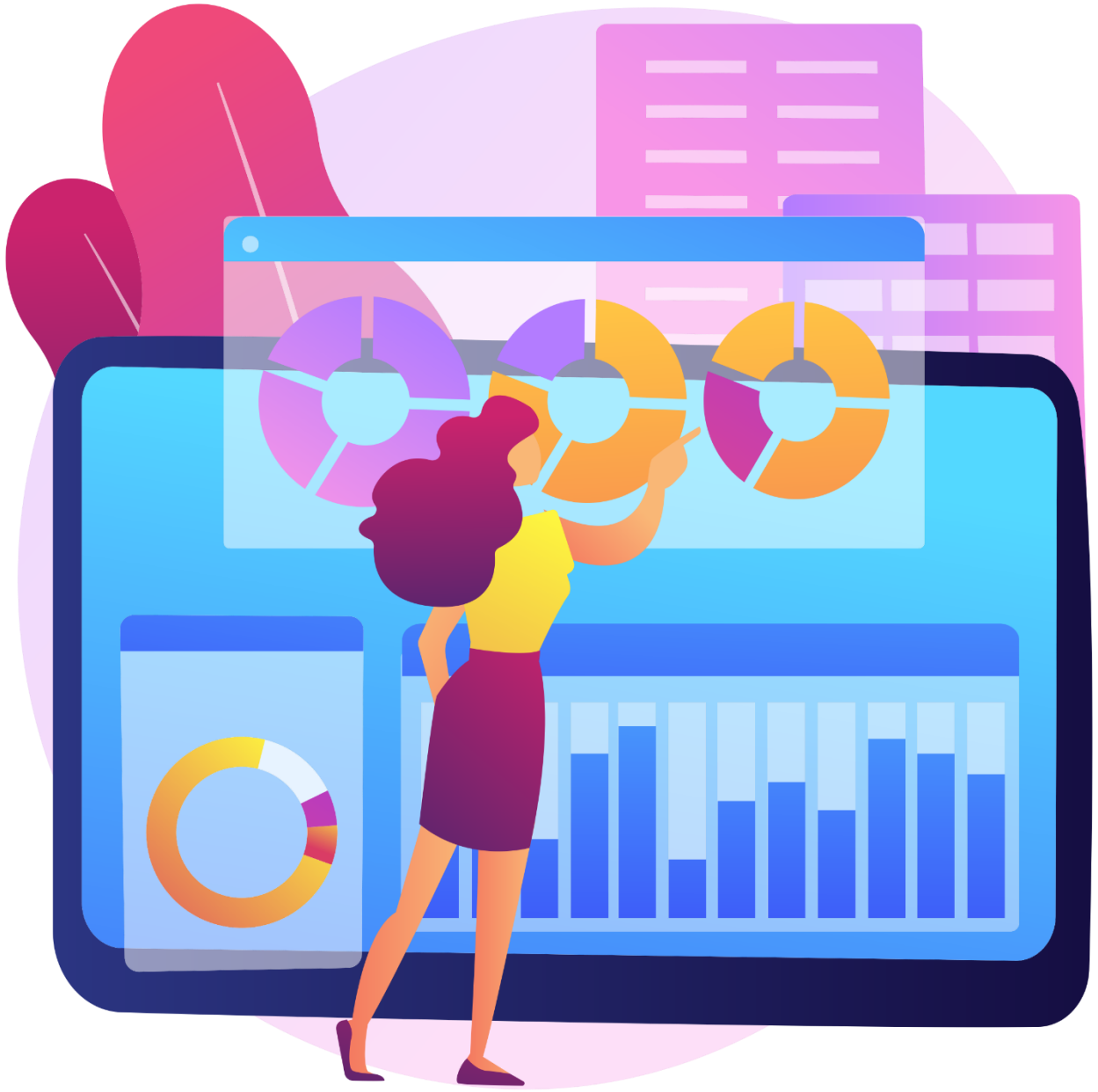
Отпечатано
в редакционно-издательском отделе академического издательства «Научная артель»
https://sciartel.ru
info@sciartel.ru
+7 (495) 514 80 82

Цена свободная. Распространяется по подписке.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ



ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

УДК36

Миндубаева Гульназ Ришатовна
Казанский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
Суслова Елена Никитична
Казанский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
Научный руководитель: Иванова Светлана Ильинична
доцент кафедры теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин, кандидат экономических наук. Казанский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ ДОМОХОЗЯЙСТВ: ОТ ВЫЖИВАНИЯ К БЛАГОПОЛУЧИЮ

Аннотация

В современных экономических условиях финансовая грамотность семьи становится необходимым навыком для обеспечения её устойчивости. Рассматриваются ключевые принципы управления финансами домохозяйства: совместное планирование, многоуровневое бюджетирование и преемственность знаний. Анализируются типичные ошибки и предлагаются цифровые инструменты для ведения семейного бюджета.

Ключевые слова:
финансовая грамотность семьи, устойчивость домохозяйства, семейный бюджет, совместное планирование, цифровые инструменты, финансовые ошибки.

HOUSEHOLD FINANCIAL LITERACY: FROM SURVIVAL TO WELL-BEING

Abstract

In modern economic conditions, financial literacy of a family is becoming a necessary skill to ensure its sustainability. The key principles of household financial management are considered: joint planning, multi-level budgeting and knowledge continuity. Typical mistakes are analyzed and digital tools for managing the family budget are offered.

Keywords:
financial literacy of the family, household sustainability, family budget, joint planning, digital tools, financial mistakes.

В реалиях XXI века, характеризующихся цикличностью кризисов, волатильностью рынков и растущей социальной неопределенностью, компетенция в сфере управления личными финансами перестала быть лишь элементом благополучия, превратившись в базовый навык выживания и устойчивого развития семьи. Финансовая грамотность домохозяйства, таким образом, представляет собой целостную экосистему знаний, поведенческих установок и ежедневных практик. Ее цель — не банальное поддержание баланса доходов и расходов, а осознанное проектирование и построение

долгосрочной финансовой устойчивости, которая служит фундаментом для реализации жизненных планов и обеспечения безопасности каждого члена семьи.

Семейная финансовая грамотность важнее индивидуальной. Семья — это мини-экономика со своими доходами, расходами, активами и обязательствами. Принятие финансовых решений в этом контексте сложнее, поскольку требует согласования интересов нескольких людей с разными потребностями и ценностями. Откладывая от 10 до 20 % от общего дохода, означает отказ от некоторых текущих желаний и становится семейной финансовой стратегией, а не личным выбором одного человека. [1, 35 с.]

Ключевыми принципами финансовой устойчивости домохозяйств являются:

1. Прозрачность и совместное планирование

В финансово грамотных семьях деньги не являются запретной темой. Регулярные «финансовые советы», где обсуждаются доходы, расходы и цели, становятся привычной практикой.

2. Многоуровневое бюджетирование

Успешное домохозяйство оперирует не одним, а несколькими бюджетами:

· Операционный бюджет (ежедневные траты)

· Целевой бюджет (крупные покупки: отпуск, ремонт)

· Инвестиционный бюджет (будущее: пенсия, образование детей)

· Резервный бюджет (подушка безопасности)

Метод «конвертов», адаптированный под цифровую эпоху, помогает визуализировать это разделение и анализировать его вместе.

3. Иерархия финансовых целей

Финансово грамотные семьи выстраивают цели в правильной последовательности:

1. Ликвидация «токсичных» долгов (микрозаймы, кредитные карты с высоким процентом)

2. Создание подушки безопасности (3–6 месяцев расходов)

3. Страхование ключевых рисков (жизнь, здоровье кормильцев, имущество)

4. Долгосрочные инвестиции и пенсионные накопления

4. Образование через поколения

Финансовая грамотность в семье — это преемственность. Дети, вовлеченные в обсуждение бюджета (в соответствии с возрастом), получают бесценный практический опыт, а выделение ребенку фиксированной суммы на неделю с правом самостоятельного выбора трат учит планированию лучше любой лекции. [2, 76 с.]

Наряду с этим можно выделить и ряд ошибок, совершаемых российскими домохозяйствами

1. Стихийное потребление: Отсутствие учета приводит к «утеканию» значительных сумм на мелочи.

2. Игнорирование страхования: Надежда на «авось» в условиях, когда страховка может спасти от финансовой катастрофы.

3. Смешение активов: Использование долгосрочных накоплений на сиюминутные нужды.

4. Финансовая асимметрия: когда один член семьи полностью контролирует финансы, создавая зависимость и уязвимость для остальных.

Современные инструменты также значительно упрощают управление совместным бюджетом:

· Совместные счета с гибкими настройками доступа

· Приложения для семейного учета (Likee, Дзен-мани с возможностью многопользовательского доступа)

· Автоматизация сбережений через автоплатежи на накопительные счета

· Краудсорсинг решений через семейные чаты с обсуждением крупных трат

Начинать нужно незамедлительно со следующих действий:

1. Собрать финансовый совет семьи. Обсудить текущую ситуацию без обвинений.
2. Зафиксировать все доходы и расходы за последние 3 месяца. Это даст реальную картину.
3. Определить совместные цели на год, 5 и 10 лет.
4. Создать систему учета, удобную для всех.
5. Принять финансовые правила: например, обсуждение трат свыше определенной суммы.

Финансовая грамотность домохозяйства — это непрерывная практика совместного принятия решений, основанная на доверии, прозрачности, как показывает практика, семьи, освоившие эти принципы, не только лучше справляются с кризисами, но и чаще достигают значимых жизненных целей. Они превращают финансы из источника стресса в инструмент создания желаемой жизни.

Вывод:

Финансовая устойчивость домохозяйства — это не случайность, а результат осознанного применения ряда ключевых принципов и практик. Основу составляет открытое общение и совместное планирование, превращающие финансы из табуированной темы в инструмент достижения общих целей.

Ключевыми препятствиями на этом пути для многих семей остаются стихийное потребление, отсутствие страховой культуры, смешение финансовых потоков и асимметрия в контроле над деньгами, ведущая к уязвимости.

Современные цифровые инструменты (совместные счета, приложения для учета, автоматические накопления) значительно упрощают организацию совместного бюджета, делая процессы прозрачными и удобными.

Начальным и критически важным шагом является немедленное проведение первого семейного финансового совета для честной оценки ситуации, фиксации доходов и расходов, постановки целей и создания понятных для всех правил.

Таким образом, финансовая устойчивость семьи достигается через непрерывную совместную практику, основанную на доверии, дисциплине и грамотном планировании. Это превращает финансы из источника постоянного стресса в надежный фундамент для реализации жизненных планов и повышения качества жизни всех ее членов.

Список использованной литературы:

1. Кобаса Н., Бредихин А. «Финансовая грамотность. Цифровой мир». – М.: Проспект, 2021. (Практическое руководство по учету и планированию в современном мире).
2. Чекунков К., Чекункова О. «Финансовое планирование в семье. Как правильно вести бюджет». – СПб.: Питер, 2019. (Конкретные методики семейного бюджетирования).

ФИЛОЛОГИЯ

Jalolova Ganjina Naimovna,
a second-year master degree`s student of the faculty of foreign languages,
SEI “Khujand State University named after acad.B. Gafurov”
Tajikistan Republic, Khujand

A COMPARATIVE COGNITIVE-LINGUISTIC ANALYSIS OF THE CONCEPT PEACE/СУЛҲ IN ENGLISH AND TAJIK: LEXICO-SEMANTIC FRAMING AND CULTURAL SPECIFICITY

The given article dwells on the comparative analysis of the lexico-semantic realization of the concept peace/сулҳ in English and Tajik linguistic worldviews. Operating within the framework of cognitive linguistics and linguoculturology, the research aims to deconstruct the semantic fields, metaphorical models, and evaluative connotations associated with this fundamental concept in both languages. The conclusion asserts that СУЛҲ and PEACE are not full conceptual equivalents; their translation requires careful contextual and cultural calibration to avoid semantic and pragmatic losses.

Keywords:
concept, peace, сулҳ, lexico-semantic field, comparative analysis, cognitive linguistics, linguoculturology, metaphor, English, Tajik.

Джалолова Ганджина Наимовна,
магистрант 2 курса факультета иностранных языков
ГОУ “Худжандский государственный университет им. акад. Б. Гафурова”
Республика Таджикистан, г. Худжанд

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «МИР»/СУЛҲ В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА

В данной статье рассматривается сравнительный анализ лексико-семантической реализации понятия «мир»/сулҳ в английском и таджикском языковых мировоззрениях. В рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии исследование направлено на деконструкцию семантических полей, метафорических моделей и оценочных коннотаций, связанных с этим фундаментальным понятием в обоих языках. В заключении утверждается, что СУЛҲ и МИР не являются полными концептуальными эквивалентами; их перевод требует тщательной контекстуальной и культурной калибровки во избежание семантических и прагматических потерь.

Ключевые слова:
понятие, мир, сулҳ, лексико-семантическое поле, сравнительный анализ, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, метафора, английский язык, таджикский язык.1. Introduction

1. Introduction

The concept of peace stands as a universal human aspiration, yet its linguistic codification and cultural interpretation vary significantly across speech communities. As a complex mental construct, it transcends the simple antonymy of "war," encompassing a wide spectrum of meanings related to harmony, order, security, and well-being. The comparative study of such culturally pivotal concepts through the prism of their lexico-semantic realization offers invaluable insights into the specificities of national consciousness and worldview.

The relevance of this research is multifaceted. Firstly, in an era of globalized but often discordant intercultural dialogue, understanding the nuanced, culturally embedded meanings of foundational concepts like peace is crucial for effective diplomacy, translation, and mutual comprehension. Secondly, while concepts like FREEDOM, JUSTICE, or HAPPINESS have received considerable attention in comparative linguoculturology, a systematic, contemporary contrastive analysis of PEACE in English and its counterpart in Tajik (СУЛҲ) remains an underdeveloped area of study.

The primary aim of this work is to identify and systematize the lexico-semantic peculiarities and cultural specificity of the concept PEACE in English and СУЛҲ in Tajik through a comparative analysis. To achieve this aim, the following objectives have been set:

1. To outline the theoretical and methodological foundations for the comparative study of concepts.
2. To establish the core lexemes representing the concept in each language and analyze their dictionary definitions.
3. To map the lexico-semantic fields (LSF) of PEACE and СУЛҲ, identifying their structure, key semantic components, and interrelations.
4. To analyze and compare the dominant metaphorical models and phraseological expressions associated with each concept.
5. To determine the culturally conditioned connotations and evaluative profiles of PEACE and СУЛҲ.

The theoretical and methodological basis of the research is formed by the principles of cognitive linguistics (G. Lakoff, M. Johnson), conceptual analysis (J. S. Stepanov, D. S. Likhachev), and the theory of the linguistic worldview (V. A. Maslova). The study employs a set of complementary methods: definitional analysis of core vocabulary; contextual and distributive analysis using modern text corpora; component analysis to isolate semantic features; conceptual metaphor analysis; and comparative-contrastive method.

Novelty of the Research lies in its focused contrastive approach to a socially critical concept within the English-Tajik language pair, combining traditional semantic field analysis with cognitive metaphor theory to reveal the deeper cultural logic behind lexical choices.

2. Theoretical Framework: The Concept in Linguistics

In modern cognitive linguistics and linguoculturology, a concept is understood as a unit of collective mental experience, a "quantum of knowledge" structured in human consciousness and reflected in language (Maslova, 2020, p. 48). Concepts are not identical to word meanings; they are more complex, multi-layered formations that include not only denotative and significative meanings but also evaluative, associative, and figurative components – the entire "cultural memory" of a notion. For a comparative study, the framework of conceptual analysis proposed by J. S. Stepanov is particularly productive. He suggests describing a concept through its basic (contemporary), historical, and etymological layers (Stepanov, 2021, p. 113). Applying this to PEACE/СУЛҲ allows us to trace the evolution and sedimentation of meanings in each culture.

3. Materials and Methods

3.1. Materials

1. Lexicographic Sources:

Oxford English Dictionary Online, Merriam-Webster's Collegiate Dictionary.

Фарҳанги забони тоҷикӣ (Dictionary of the Tajik Language), Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (Explanatory Dictionary of the Tajik Language).

English-Tajik and Tajik-English bilingual dictionaries.

2. Corpus Data:

For English: The Corpus of Contemporary American English (COCA), used to analyze collocations and contextual usage of peace.

For Tajik: A compiled corpus of texts from major Tajik news agencies (Asia-Plus, Khovar) and

contemporary literary works from 2020-2024, focusing on political and social discourse.

3. Phraseological Resources: Dictionaries of English idioms and proverbs; collections of Tajik proverbs (зарбулмасалҳо) and phraseological units.

3.2. Methods

1. Definitional (Componential) Analysis: To extract and compare the semantic features (semes) from dictionary definitions of the core lexemes peace and сулҳ.

2. Lexico-Semantic Field Modeling: To identify the hierarchical structure of each LSF, including hyperonyms, hyponyms, synonyms, and antonyms.

3. Contextual and Collocational Analysis: To identify typical verbal and adjectival collocates of peace and сулҳ in modern usage, revealing their pragmatic and connotative profiles.

4. Conceptual Metaphor Analysis (Lakoff & Johnson): To identify and classify the primary metaphorical mappings used to conceptualize PEACE and СУЛҲ (e.g., source domains: QUIET, OBJECT, JOURNEY, BUILDING).

5. Comparative-Contrastive Method: To systematically juxtapose the obtained data for both languages, highlighting zones of convergence and divergence.

4. Results and discussion

4.1. Core Lexemes and Definitional Analysis

English peace: Etymologically from Latin pax (pacis), related to pact, agreement. Modern dictionary definitions (Merriam-Webster, 2023) typically list:

1. A state of tranquility or quiet.

2. Freedom from civil disturbance.

3. A state of security or order within a community.

4. Freedom from disquieting or oppressive thoughts or emotions.

5. Harmony in personal relations.

6. A state or period of mutual concord between governments.

7. Peculiar English usage: A ceremonial handshake in basketball.

The definitional spectrum reveals a clear movement from an internal, psychological state (1,4) to interpersonal harmony (5) and finally to public, political order (2,3,6). The "absence of disturbance" (war, conflict, anxiety) is a unifying seme.

Tajik сулҳ: Borrowed from Arabic (ṣulḥ), meaning "reconciliation, peace, agreement." Definitions in Tajik dictionaries (Фарҳанги тафсирии..., 2022) emphasize:

1. Оҳангӣ, розӣ, оштӣ (Harmony, agreement, concord).

2. Давом додани муносибатҳо байни ду давлат ё гурӯҳҳо пас аз ҷанг (Continuation of relations between two states or groups after war).

3. Барқарор кардани дӯстӣ, барҳам додани ихтилоф (Restoration of friendship, elimination of disagreement).

4. Як ҷой омадани ду тараф дар як масъала (Two sides coming together on an issue).

The core semes here are RECONCILIATION, AGREEMENT, RESTORATION OF RELATIONS POST-CONFLICT. The emphasis is on a process or an achieved state of accord between parties, not primarily on an internal feeling.

4.2. Lexico-Semantic Field Structure

Aspect English LSF of PEACE Tajik LSF of СУЛҲ

Core Lexeme peace сулҳ

Key Synonyms tranquility, serenity, calm, quiet, harmony, accord, concord, ceasefire, armistice. оштӣ, розӣ, оҳанг, мувофиқат, ягонагӣ, ваҳдат.

Antonyms war, conflict, strife, turmoil, agitation, anxiety, discord. ҷанг, низоъ, ихтилоф, адо, беоромӣ.

Hyperonym state, condition ҳолат, вазъият, аҳд

Hyponyms/Related States Inner peace (peace of mind), world peace, lasting peace, cold peace. сулҳи умумӣ (general peace), сулҳи доимӣ (lasting peace), сулҳи оилавӣ (family reconciliation).

Associated Actions to make peace, to keep peace, to breach peace, to peace out (slang). сулҳ кардан (to reconcile), сулҳ кардани (to make peace), сулҳ талаб кардан (to demand peace), ба сулҳ омадан (to come to peace).

Associated Qualities peaceful, peaceable, peace-loving. сулҳдӯст, сулҳҷӯ, оштӣписаид.

Critical Observation: The English field shows a clear bifurcation into inner/psychological and external/socio-political domains. The Tajik field is more homogeneously oriented towards the social and contractual dimension. The verbal center of the Tajik field is the activity сулҳ кардан – an act performed by parties upon each other.

4.3. Metaphorical Models

English PEACE:

PEACE IS QUIET/SILENCE: hold your peace, peace and quiet, a moment of peace. This is a dominant, perhaps primary, metaphor linking peace to the absence of noise.

PEACE IS A (FRAGILE) OBJECT/STATE: keep the peace, breach of the peace, shatter the peace, fragile peace. Peace is conceptualized as something that can be kept, broken, or shattered.

PEACE IS A PERSONAL POSSESSION/INTERNAL STATE: peace of mind, my peace, find peace. Reflects the individualistic dimension.

PEACE IS A JOURNEY/GOAL: path to peace, road to peace, peace process.

Tajik СУЛҲ:

СУЛҲ IS A SOCIAL PACT/AGREEMENT (АҲД): This is the foundational metaphor, etymologically and conceptually. The synonym аҳднома (treaty) is closely related. Ба сулҳ омадан (to come to peace) implies arriving at a contractual point.

СУЛҲ IS A BRIDGE/CONNECTION: Пул байни онҳо сулҳ аст (The bridge between them is peace). It is a means of restoring connection.

СУЛҲ IS A DESIRABLE DESTINATION/STATE: Сулҳро талаб кардан (to demand peace), сулҳро дар назар доштан (to have peace in sight).

СУЛҲ IS A PLANT/FRUIT (of effort): Меваи сулҳ (the fruit of peace). This metaphor is common in political rhetoric, emphasizing peace as a result of cultivation.

Contrast: The QUIET metaphor is marginal in Tajik, while the CONTRACT/AGREEMENT metaphor is marginal in English descriptions of inner peace. The OBJECT metaphor in English highlights fragility; the PLANT metaphor in Tajik highlights growth and result.

4.4. Phraseology and Proverbs

English: "Peace at any price" (often with negative connotation of appeasement); "Leave me in peace" (individual boundary-setting); "Keep the peace" (law enforcement); "More honor'd in the breach than the observance" (Shakespeare, about a custom, not peace per se, but shows conceptualization as rule).

Tajik: "Сулҳ азизтар аз ҳама чиз аст" (Peace is dearer than anything) – absolute positive valuation. "Сулҳ бе садокот нест" (There is no peace without reconciliation) – links peace directly to the act of settling disputes. "Сулҳ кардан асл, ҷанг кардан фасл" (Making peace is the root/principles, making war is secondary/a branch) – peace as foundational. The proverbs reinforce the social, relational, and unconditionally positive value of сулҳ.

5. Conclusion

This study has achieved its aim by conducting a detailed comparative analysis of the lexico-semantic realization of the concept PEACE/СУЛҲ. The investigation confirms that these are not isomorphic concepts. They share a common semantic core but diverge significantly in their conceptual structure, metaphorical framing, and cultural valuation.

These differences are not merely linguistic but are reflective of deeper cultural codes: the Anglophone emphasis on individual psychological well-being and the Tajik (and broader Perso-Islamic) emphasis on social harmony and contractual resolution of conflict. Understanding these nuances is essential for accurate translation, effective diplomatic communication, and profound intercultural understanding between these linguistic worlds.

References:

1. Карасик, В.И. Языковые ключи к культурным концептам // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 3 (53). – С. 34–52.

2. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие. – 3-е изд. – М.: Академия, 2020. – 208 с.

3. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа "Языки русской культуры", 2021. – 990 с.

4. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (дар ду ҷилд). – Ҷилди II. – Душанбе: Паёванд, 2022. – 720 с.

5. Lakoff, G., & Johnson, M. Metaphors We Live By. – New edition. – Chicago: University of Chicago Press, 2023. – 276 p.

6. Sharifzoda, S. The Concept of "SULH" in the Tajik Linguistic Consciousness: A Cultural Analysis // Central Asian Journal of Social Sciences and Humanities. – 2024. – Vol. 10, No. 1. – P. 89–105.

7. Wierzbicka, A. Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – 328 p.

Ibragimova Rano Abdushukurovna
SEI “Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov”
Khujand, Tajikistan

WORD COMBINATION IN MODERN ENGLISH

Abstract

This article examines the word combination as an important syntactic unit that occupies an intermediate position between the word and the sentence. The main theoretical approaches to the study of the word combination in Russian linguistics, including the works of M.V. Lomonosov, F.F. Fortunatov, A.A. Shakhmatov, A.M. Peshkovsky, and V.V. Vinogradov, are analyzed, along with their relevance to modern English studies. Special attention is paid to the relationship between the word combination and the sentence, criteria for their differentiation, and the specifics of word combinations in English. The study is based on a comparative analysis of linguistic theories and examples from English. It is concluded that the word combination is predominantly considered a non-predicative subordinate construction, playing an important role in the syntactic organization of sentences.

Keywords:

word combination, sentence, syntactic unit, subordinate construction, predicativity, English language, linguistic concepts.

Ибрагимова Рано Абдушукуровна

ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова»

г. Худжанд, Республика Таджикистан

Аннотация

В статье рассматривается словосочетание как важная синтаксическая единица, занимающая промежуточное положение между словом и предложением. Анализируются основные теоретические подходы к изучению словосочетания в отечественной лингвистике, включая работы М.В. Ломоносова, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского и В.В. Виноградова, а также их значение для современной англистики. Особое внимание уделено соотношению словосочетания и предложения, критериям их разграничения и специфике словосочетаний в английском языке. Исследование основано на сравнительно-сопоставительном анализе лингвистических теорий и примеров из английского языка. Сделан вывод о том, что словосочетание преимущественно рассматривается как непредикативная подчинительная конструкция, играющая важную роль в синтаксической организации предложения.

Ключевые слова:

словосочетание, предложение, синтаксическая единица, подчинительная конструкция, предикативность, английский язык, лингвистические концепции.

Introduction

In modern linguistics, special attention is paid to the study of syntactic units and their role in structuring utterances. One such unit is the word combination, which occupies an intermediate position between a word and a sentence and performs an important function in speech construction.

The relevance of the study is determined by the ambiguity in the interpretation of word combination in linguistic science and the lack of a unified approach to its status and boundaries, which is particularly noticeable within contemporary English studies.

The object of the study is the word combination as a syntactic unit, while the subject is the main theoretical approaches to its study. The aim of the work is to review and summarize existing concepts of the word combination and to determine its place within the system of syntax.

Word combination is understood as a group of two or more content words, semantically and grammatically connected, which expresses a holistic, albeit divisible, concept and serves as a complex designation of phenomena of objective reality.

The problem of the word combination has been thoroughly developed in Russian linguistics. The foundations of the theory were laid in the works of M.V. Lomonosov [5] and F.F. Fortunatov [8], and further developed in the works of A.A. Shakhmatov [9], M.N. Peterson [6], and A.M. Peshkovsky [7]. A significant contribution to the study of the word combination was made by V.V. Vinogradov [1], whose concept of differentiating the word combination and the sentence was continued in the research of N.Yu. Shvedova [10] and contemporary linguists. Despite the diversity of approaches, the status of the word combination remains a matter of discussion.

This article examines the main theoretical approaches to understanding the word combination in linguistics and their significance for modern English studies. It analyzes the relationship between the word

combination and the sentence, as well as the main criteria for distinguishing them. The specificity word combinations in English is also highlighted.

The study is based on the analysis and generalization of linguistic theories. Theoretical and comparative methods, as well as examples from English, are used.

It has been established that the word combination is predominantly considered a non-predicative subordinate construction. Its important role in the syntactic organization of the English sentence is confirmed.

The development of the theory of the word combination is rightly considered an achievement of Russian linguistics. In the Russian linguistic tradition, reference to the concept of the word combination is already found in the works of M.V. Lomonosov [5]. However, targeted study of the word combination is associated with F.F. Fortunatov, who defined the subject of his research as "a whole, by meaning, which is formed by combining one full word (not a particle) with another full word, whether this is an expression of a complete psychological judgment, or an expression of its part. In any word combination, two parts differ in meaning: the dependent, non-independent, and the independent, self-sufficient" [8, p. 451].

Thus, first, attention is focused exclusively on subordinate word combinations, which became established in the Russian tradition for a long time; second, the sentence is interpreted as a special type of word combination. The distinction between them, according to F.F. Fortunatov, is that actual word combinations are characterized as incomplete, whereas sentences are complete word combinations [8, p. 183].

According to M.N. Peterson, a word combination is any combination of words, including a simple sentence of any length; complex sentences, in turn, are combinations of word combinations [6, p. 138].

In general, A.M. Peshkovsky held a similar position. He considered syntax as the study of the word combination but did not deem it possible to completely abandon the theory of the sentence and attempted to derive the concept of the sentence from the concept of the word combination. This led Peshkovsky to assert the admissibility of word combinations consisting of a single word. He regarded various one-word sentences, such as *Fire!* and *Attention!*, as such "word combinations" [7, p. 54].

A.A. Shakhmatov, developing F.F. Fortunatov’s ideas, defined the word combination as «such a combination of words that forms a grammatical unity, manifested in the dependence of some of these words on others,» whereby a sentence containing two or more words was also recognized as a word combination but «complete,» corresponding to a «complete» unit of thought. At the same time, according to Shakhmatov, the sentence is not reduced to a type of word combination but represents an independent syntactic unit, which can also be expressed by a single word. In describing word combinations, he limited himself to the consideration of only "incomplete" word combinations. Analysis of "complete" word combinations was carried out within the theory of the sentence, where combinations of two main parts and one-member sentences, which in the absence of modifiers of the main word can be one-word, were studied [9, p. 43].

Thus, the description of the sentence system is built as an analysis of its main members, whereas the study of the word combination characterizes all word forms dependent on them within the sentence, i.e., secondary members. A different understanding of the word combination was proposed by V.V. Vinogradov, developing nationally specific ideas established in the practice of syntactic description by Russian grammarians. Vinogradov relied on Shakhmatov’s thesis on the existence of two syntactic units - the word combination and the sentence. The essence of Vinogradov’s concept is that the word combination, unlike the sentence as a unit of communication, is considered a complex designation, functioning alongside the word as "building material" for the sentence: "...the concept of the word combination is not correlated with the concept of the sentence... A word combination is a complex designation. It carries the same nominative function as a word" [1, p. 12].

From Vinogradov's perspective, word combinations are complex designations and are formed according to the laws of "expansion" of words by word forms, i.e., they are constructions in which a word and its defining word form are syntactically connected. Combinations of word forms characteristic of certain types of sentences (for example, the connection of subject and predicate in a two-part sentence) are, according to Vinogradov, not considered word combinations and are studied within the theory of the sentence. He also did not consider series of word forms connected by coordination, i.e., homogeneous members of a sentence, as word combinations. By bringing the word combination closer to the word, Vinogradov proposed treating the form of a word combination as the form of its main component - the expanded word. It follows that the word combination has the same system of forms as its main component.

Thus, the system of forms of the word combination *to read a book* according to the paradigm of the verb *to read* would include: *to read a book…*, *is reading a book…*, *have read a book…*, *will read a book…*, *would read a book…*, *was reading a book*. Vinogradov's concept of the word combination became the basis for the detailed description of the word combination system in modern Russian [1, p. 56].

The tradition of consistently distinguishing between the word combination and the sentence in Russian linguistics is continued by N.Yu. Shvedova, whose concept is realized in the description of the system of the word combination and the simple sentence [10, p. 105]. In her understanding of the word combination, Shvedova follows Vinogradov, accepting his main principles and developing some of them further. The idea of recognizing the word combination and the sentence as two independent syntactic units received further development in contemporary Russian syntactic studies.

On the one hand, this approach allows explaining the existence of one-member sentences, as it does not consider the word combination as the sole syntactic unit and does not derive the sentence from the word combination, thereby allowing the sentence to be single-component [2, p. 68].

On the other hand, it makes it possible to consider syntactic units outside the sentence, as it assumes the existence of two syntactic units — the sentence and the word combination. Vinogradov [1] and, following him, Shvedova [10] identified a set of features distinguishing the word combination from the sentence, rightly recognizing predicativity/non-predicativity as the main criterion. At the same time, their study of the word combination is built not on this criterion but on the concept of the "expanded word." With this approach, not all non-predicative syntactic constructions fall into the category of word combinations, only a part of them; the theory of the sentence, in turn, covers the analysis of not only predicative but also some non-predicative constructions (for example, those based on coordination). The distinction between the word combination and the sentence is possible even without relying on the understanding of the word combination as an «expanded word,» in the direction of expanding the very concept of the word combination.

According to this approach, word combinations are considered any syntactically organized, i.e., based on syntactic connection, combinations of a word with a word form, as well as all combinations of syntactically connected word forms that do not have predicativity. The study of the word combination in this sense includes the analysis of non-predicative constructions realizing all types of syntactic connections - both subordinate and coordinate - at the level of word form connection.

In this interpretation, the word combination shares a syntactic organization with the complex sentence and is isomorphic to it. For representatives of the Russian linguistic school adhering to this narrow understanding of the word combination, there is a tendency to bring the word and the word combination as close as possible. Although this point of view was not supported by a number of leading Russian linguists, such as Acad. V.M. Zhirmunsky [3] and Prof. B.A. Ilish [4], it became dominant in the mid-20th century, and the traditional understanding of the word combination in modern Russian linguistics is mainly limited to subordinate structures.

Conclusions

The study has established that the word combination is an important syntactic unit occupying an intermediate position between the word and the sentence. The analysis of linguistic concepts showed the absence of a unified approach to determining the status of the word combination, with its interpretation as a non-predicative subordinate construction prevailing in modern English studies.

This work considered the word combination as an object of modern English studies. The analysis of major linguistic concepts showed that the word combination is a significant syntactic unit, playing an important role in the structure of the utterance. Despite the existence of different approaches to its definition and classification, modern linguistics maintains a tendency to distinguish between the word combination and the sentence based on predicativity.

The conducted research confirmed the relevance of studying the word combination within English studies, determined by the specifics of the English language and its syntactic structure. The results allow considering the word combination as an important element of the syntactic system of the language and a promising object for further linguistic research.

References:

1. Vinogradov V.V. Idealistic Foundations of the Syntactic System of Prof. A.M. Peshkovsky // Questions of Syntax of Modern Russian. Moscow, 1950. Pp. 36-74.
2. Vinogradov V.V. History of Russian Linguistic Doctrines. Moscow: Vysshaya Shkola, 1978. – 368 p.
3. Zhirmunsky V.M. On Analytical Constructions. Analytical Constructions in Languages of Various Types. Moscow–Leningrad, 1965. Pp. 5-58.
4. Ilish B.A. The Structure of Modern English (in English). Moscow: Prosveshchenie, 1971. – 366 p.
5. Lomonosov M.V. Russian Grammar. Complete Works, Vol. 7 // M.V. Lomonosov. Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1952. – 493 p.
6. Peterson N.M. Introduction to Linguistics. Moscow, 1952. – 273 p.
7. Peshkovsky A.M. Russian Syntax in Scientific Perspective. Moscow, 1956. – 511 p.
8. Fortunatov F.F. On Teaching Russian Grammar in Secondary School. Selected Works. Moscow: Uchpedgiz, 1957, Vol. 2. – 471 p.
9. Shakhmatov A.A. Syntax of the Russian Language. Moscow, 1941. 2nd ed. Moscow: URSS, 2001.
10. Shvedova N.Yu. Active Processes in Modern Russian Syntax (Word combination). Moscow: Prosveshchenie, 1966. – 156 p.

Рашидова Дилафруз Абдукаюмовна,
к.ф.н., доцент кафедры английского языка ГОУ «ХГУ им. акад. Б.Гафурова»
Шарипова Саида Исломхуджаевна,
магистрант 2-го курса кафедры персидско-китайского языка ГОУ «ХГУ им. акад. Б. Гафурова»

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В АНГЛО-ТАДЖИКСКОЙ И ТАДЖИКСКО-АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье рассматриваются исторические этапы создания словарей, анализируются ключевые двуязычные и трёхъязычные словари, а также исследуются современные технологии и методы,

используемые в лексикографии. Особое внимание уделено проблемам культурно-языковой адаптации, необходимости стандартизации терминов и внедрению электронных ресурсов для повышения качества перевода, образовательной и научной деятельности.

Ключевые слова:

исторические этапы создания словарей, ключевые двуязычные и трехъязычные словари.

Rashidova Dilafruz Abdukayumovna,

PhD, Associate Professor,

English Language Department, SEI “Khujand State University named after acad. B. Gafurov”

Sharipova Saida Islomkhuchaevna,

Second-Year Master's Student, Persian-Chinese Language Department,

SEI “Khujand State University named after acad. B. Gafurov”

TRADITIONS AND MODERN TECHNOLOGIES IN ENGLISH-TAJIK AND TAJIK-ENGLISH LEXICOGRAPHY

The given article dwells on the historical stages of dictionary creation, analyzes key bilingual and trilingual dictionaries, and explores modern technologies and methods used in lexicography. Particular attention is paid to the problems of cultural and linguistic adaptation, the need for terminology standardization, and the introduction of electronic resources to improve the quality of translation, education, and research.

Keywords:

historical stages of dictionary creation, key bilingual and trilingual dictionaries.

После обретения независимости Республикой Таджикистан возникла острая потребность в развитии англо-таджикской лексикографии. Это было связано с необходимостью установления контактов с англоязычными странами, расширением дипломатических, экономических и образовательных связей [1,2]. До 1990-х годов перевод английской терминологии осуществлялся через русский язык, что приводило к неоднозначным соответствиям и снижало точность перевода [1]. В этой связи развитие прямой англо-таджикской и таджикско-английской лексикографии стало ключевым шагом для обеспечения эффективной международной коммуникации в сфере экономики, науки и образования [2,3]. Особенностью таджикской лексикографии является необходимость учёта культурно-языковых различий: многие англоязычные термины не имеют точного аналога в таджикском языке, а калькированный перевод может быть непонятен носителям языка [4,5]. Проблемы особенно выражены в таких областях, как экономика, право, экология, информационные технологии и авиация [3,6]. В исследовании применялся комплекс методов, обеспечивающих всесторонний анализ состояния таджикской лексикографии. Сравнительно-аналитический подход позволил изучить структуру, содержание и качество существующих англо-таджикских и таджикско-английских словарей [1–7], тогда как историко-сравнительный метод способствовал выявлению ключевых этапов развития лексикографии с 1990 по 2025 годы [1,2]. Для анализа терминологии в различных областях использовались корпусный и компьютерный подходы с применением электронных баз данных и специализированного программного обеспечения [8,9]. Кроме того, сопоставление с международным опытом, в частности с англо-узбекскими и англо-пакистанскими словарями, позволило выявить лучшие практики и оценить возможности их адаптации для таджикской лексикографии [9].

Применение комплекса методов исследования позволило выявить как структурные, так и

технологические пробелы в таджикской лексикографии, а также определить перспективные направления для стандартизации и цифровизации словарей. На начальном этапе (1990–2000 гг.) появились первые англо-таджикские словари, включая «Русско-таджикско-английский словарь» К. Зоирова (1998), который содержал около 2,500 терминов и отличался ограниченной точностью юридической и экономической терминологии, а также отсутствием единых стандартов транслитерации [1,2]. В период специализированных словарей (2000–2010 гг.) наблюдалось активное развитие отраслевых ресурсов, охватывающих экономику, финансы, право и экологию [2–5]. Среди примеров можно отметить банковский словарь М. Оймахмадова (1999) с двусторонней структурой на 646 страниц и экологический словарь И. Тохирова (1999) с трёхъязычным оформлением и официальными приложениями [2,3]. Этот этап характеризовался расширением тематических областей и выпуском более специализированных словарей. На цифровом этапе (2010–2025 гг.) наблюдается переход к электронным форматам: появляются электронные версии словарей и терминологических баз данных, применяется корпусный анализ для выявления новых слов и уточнения значений, совершенствуются интерфейсы и возможности поиска, что значительно повышает доступность и эффективность работы с лексическими ресурсами [8,9].

Ключевым элементом формирования англо-таджикской лексикографии являются специализированные словари, обеспечивающие точность переводов и доступ к профессиональной терминологии. Ниже представлен подробный анализ наиболее значимых изданий с точки зрения структуры, объёма и функциональности. Анализ существующих словарных ресурсов по таджикскому языку показывает постепенное расширение тематического и функционального охвата. Так, «Русско-таджикско-английский словарь» К. Зоирова (1998) содержит около 2,500 терминов и отличается простой структурой и трёхъязычным представлением, однако в нём наблюдаются неточности переводов, отсутствие единых стандартов транслитерации и минимальная тематическая детализация [1,2]. Банковский словарь М. Оймахмадова (1999) объёмом 646 страниц обеспечивает двусторонний поиск и специализированную банковскую терминологию, но ограничен пояснениями на таджикском и русском языках, а некоторые термины не имеют точных соответствий [2]. Экологический словарь И. Тохирова (1999) предлагает официальные приложения и трёхъязычное оформление, однако проверка соответствия международным стандартам была ограничена, а ресурс существует только в печатной форме [3,4]. Финансовый словарь Х. Мирзоева (2001) систематизирует финансовую лексику, но содержит ошибки перевода и применим лишь в узкой профессиональной сфере [4,5]. Лингвистический словарь С. Джоматова (2011) включает около 1,100 единиц и расширяет академическую лексику, однако цифровая доступность и количество примеров остаются ограниченными [5,6]. Политический словарь П. Джамшедова и А. Гайнутдинова (2011) охватывает примерно 5,000 терминов, предоставляя специализированную политическую лексику с англо-таджикской подачей, но в нём отсутствуют единые стандарты транслитерации и контекстуальные примеры [6,7]. Наконец, словарь авиационной терминологии Ш. Каримова (2012) включает около 4,000 терминов, характеризуется детализацией и структурированностью, однако сохраняет ограничения печатной формы и ограниченные возможности поиска [7].

В Узбекистане и Пакистане широко применяются стандарты терминологии, что значительно облегчает процесс перевода и обучение [9]. Особую роль в повышении качества перевода играют англо-узбекские словари, которые включают корпусные данные и примеры использования слов, что обеспечивает более точное соответствие терминов [9]. Опыт этих стран может быть полезен для таджикской лексикографии, особенно в части внедрения электронных баз данных и онлайн-сервисов, что позволит повысить доступность и эффективность работы с лексическими ресурсами [8,9]. Современные технологии лексикографии дают дополнительные возможности: корпусный анализ

позволяет выявлять новые термины и фразеологизмы, онлайн-платформы обеспечивают мгновенный поиск и обновление словарей, а генеративные модели позволяют автоматически предлагать переводы для малоресурсных языков [8,9]. Эти достижения могут быть успешно переняты таджикской лексикографией, в частности через внедрение единых стандартов транслитерации и алфавитного порядка, регулярное обновление терминологии с помощью корпусного анализа и создание полноценных электронных словарей с мультимедиа и функцией поиска [1–9]. Дополнительно важным направлением является международное сотрудничество с соседними странами для унификации терминологии, а также расширение тематического охвата словарей, включая сленг, жаргон, профессиональную лексику, метафоры и идиомы [1–7].

Анализ англо-таджикской и таджикско-английской лексикографии в Республике Таджикистан показывает, что эта отрасль лингвистической науки прошла значительный путь развития — от ограниченных печатных словарей 1990-х годов до современных цифровых и специализированных изданий. Исторический обзор выявил ключевые этапы становления: начальный период с ограниченным числом терминов и неточностями перевода, последующий этап специализированных отраслевых словарей и современный этап цифровизации, который открывает новые возможности для развития двуязычной и трёхъязычной лексикографии. Существует ряд достижений, которые следует подчеркнуть. Во-первых, значительно расширился тематический охват словарей — от общеупотребительной лексики до профессиональной терминологии в сферах экономики, права, экологии, финансов и авиации. Во-вторых, начато внедрение цифровых технологий: электронные базы данных, онлайн-платформы и инструменты корпусного анализа позволяют систематически обновлять словарный состав и повышать точность переводов.

Таким образом, англо-таджикская и таджикско-английская лексикография представляет собой динамичную и перспективную область научного знания, играющую ключевую роль в развитии образования, науки и международной коммуникации. Системное внедрение современных технологий, стандартизация терминологии и расширение тематического охвата словарей создают основу для повышения качества переводов, обучения и научных исследований, а также для укрепления культурного и профессионального диалога на международном уровне.

Список использованной литературы:

1. Зоиров К.И., Ахмадов М.О., Джоматов С. Лексикографический словарь русско-таджикско-английский. Душанбе, 1998. 350 с.
2. Оймахмадов М., Рахимов Ш. Банковский словарь: русско-английско-таджикский, англо-таджикско-русский. Душанбе, 1999. 646 с.
3. Тохиров И., Саидов А., Назаров Б. Экологический трехъязычный словарь (русский, таджикский, английский). Душанбе, 1999. 420 с.
4. Мирзоев Х. Финансовый словарь: английский–таджикский. Душанбе, 2001. 300 с.
5. Джоматов С. Лингвистический словарь: английский–русский–таджикский. Душанбе, 2011. 400 с.
6. Джамшедов П., Гайнутдинов А. Политический словарь: английский–таджикский. Душанбе, 2011. 500 с.
7. Каримов Ш. Словарь авиационной терминологии: английский–таджикский–русский. Душанбе, 2012. 380 с.
8. Nielsen S. Principles of Bilingual Lexicography. Copenhagen: University Press, 2003. 250 p.
9. Arora S., et al. Generative Approaches to Low-Resource Language Lexicography. arXiv:2005.12345, 2020.
10. Mustafayev A., et al. Comparative Analysis of English–Uzbek Lexicography. Tashkent: Universal Conference, 2015. 210 p.

Усмонова Мухайё Носировна
Худжандский государственный Университет имени академика Бободжона Гафурова
г. Худжанд, Таджикистан

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

В статье рассматривается категория определенности и неопределенности в английском языке. Анализируется развитие представлений о данной категории: от узкого понимания, связанного исключительно с артиклем, до современного расширенного подхода. Показано, что, несмотря на отсутствие артикля в русском языке, значения определенности и неопределенности выражаются с помощью других средств — местоимений, частиц, падежных форм, числительных, порядка слов и интонации. Подчеркивается, что в английском языке категория имеет четкое морфологическое выражение, тогда как в русском она реализуется имплицитно. Отмечаются трудности перевода, связанные с различиями в выражении данной категории.

Ключевые слова:
определенность, неопределенность, артикль, английский язык, русский язык, грамматическая категория, средства выражения, перевод.

Usmonova Muhayo Nosirovna
Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov,
Khujand, Tajikistan

THE FUNCTIONING OF THE CATEGORY OF DEFINITENESS AND INDEFINITENESS IN ENGLISH

Abstract

The article examines the category of definiteness and indefiniteness in English. It traces the evolution of linguistic views from a narrow approach, focused solely on the article, to a broader modern understanding. Although Russian lacks articles as grammatical markers, definiteness and indefiniteness are expressed through other means such as pronouns, particles, case forms, numerals, word order, and intonation. The study highlights that in English this category has a clear morphological expression, whereas in Russian it is realized implicitly. Particular attention is given to translation difficulties arising from cross-linguistic differences in expressing definiteness.

Keywords:
definiteness, indefiniteness, article, English language, Russian language, grammatical category, means of expression, translation.

Введение

В лингвистике категория определённости и неопределённости рассматривается как одна из сложных и многоаспектных грамматических проблем. Традиционно основным показателем определённости считался артикль, что привело к распространённому в рамках функционально-семантического подхода мнению об отсутствии данной категории в русском языке в силу отсутствия артикля как самостоятельного грамматического средства. Однако современные исследования всё чаще опровергают данную точку зрения, утверждая, что отсутствие артикля не исключает возможности

выражения значений определённости и неопределённости, а лишь предполагает использование иных языковых средств.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного рассмотрения категории определённости и неопределённости в сопоставительном аспекте, а также важностью учёта данной категории в практике перевода между английским и русским языками.

Материалом исследования послужили теоретические труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвящённые проблеме определённости и неопределённости, в частности работы Л.С. Бархударова, И.Я. Ильиша, А.А. Реформатского, В.Д. Аракина и Н.С. Трубецкого.

В работе применяются методы лингвистического анализа, включая описательный метод, сопоставительный анализ, а также элементы функционально-семантического подхода, позволяющие выявить специфику выражения исследуемой категории в различных языковых системах.

В лингвистике понятия определенности и неопределенности представляют собой сложную и многоаспектную проблему. Если ранее основным маркером определенности считался артикль, то сегодня эта категория рассматривается гораздо шире. В период господства функциональной семантики преобладало мнение, что русский язык лишен категории определенности и неопределенности из-за отсутствия артикля как грамматического средства.

Однако современная лингвистическая наука все больше склоняется к тому, что отсутствие артикля не является препятствием для выражения этих значений, а лишь указывает на необходимость использования других средств, таких как морфологические и синтаксические конструкции.

Кроме того, в работах лингвистов Л.С. Бархударов, И.Я. Ильиш можно встретить и некоторые другие определения функций артиклей: уточняющая, индивидуализирующая, выделительная, классифицирующая назывная, описательная, причисляющая, изолирующая, обобщающая, показатель очередности и не очередной понятий, указание на характер ситуативной отнесенности обозначение обозначения (имени) к обозначенному (предмету), указание на отдельный предмет (множество предметов) по линии его (не-) исключительности или (не-) ограниченности, выражение отношения к классу однородных предметов и т.п. [2]; [3].

Как и любая грамматическая категория, определенность существует во взаимосвязи со своей противоположностью. Безусловно, существуют ситуации нейтрализации этой оппозиции, возникающие в определенных контекстах. Большинство исследователей, занимающихся изучением этой категории, сходятся во мнении, что суть определенности/неопределенности заключается в том, воспринимается ли предмет, обозначенный именем существительным, как один из многих представителей своего класса или как нечто уникальное и известное.

В английском языке эта категория выражается с помощью артикля. Кроме того, указательные и притяжательные местоимения, с одной стороны, и неопределенные местоимения, с другой, также служат для выражения этой категории, поскольку их семантика либо обобщает, либо индивидуализирует предмет. Например, в предложении “The wife wasn't listening” артикль “the” указывает на определенность, а в предложении “His wife wasn't listening” эту роль выполняет притяжательное местоимение “his”. Определители первого класса сочетаются как с неисчисляемыми существительными, так и с исчисляемыми в единственном и множественном числе: артикль “the”, местоимения “whose”, “which (ever)”, “what (ever)”, “some”, “any”, “no”, а также притяжательные местоимения “my”, “your”, “his”, “her”, “its”, “our”, “their” [1]; [2].

В силу того, что артикль является основным выразителем категории определенности/ неопределенности, стоит уделить внимание его свойствам в английском и русском языках.

По мнению А.А. Реформатского, несмотря на отсутствие в русском языке категории, столь значимой для романо-германских языков и проявляющейся через артикли, русские носители языка

способны воспринимать соответствующие значения. Он утверждал, что в русском языке для выражения определенности и неопределенности используются другие инструменты, в частности: а) служебные слова; б) замена винительного падежа родительным при отрицании, создающая оттенок неопределенности; в) интонация, как тонкий механизм передачи смысловых нюансов [4, с. 211].

Большинство лингвистов придерживаются идеи, что категория определенности/ неопределенности не имеет явного морфологического выражения в русском языке, однако это не означает ее полного отсутствия.

В.Д. Аракин выделял следующие средства для выражения этой категории: 1) частицы; 2) указательные местоимения; 3) неопределенные местоимения; 4) числительное “one”, функционирующее подобно неопределенному артикля “a/an”; 5) инверсия, при которой подлежащее следует за сказуемым, также способна передавать значение определенности/неопределенности [1, с, 56].

Н.С. Трубецкой предлагал классификацию способов выражения определенности, включающую синтагмы с «определенным артиклем», специальные формы существительных, а также формы других слов, связанных с определяемым существительным [5, с. 245].

Согласно Н.С. Трубецкому, притяжательные прилагательные, образованные от имён лиц, всегда указывают на конкретное лицо, в то время как обороты с родительным падежом имени лица не несут такого значения [5, с.436].

В итоге, наше исследование подчеркивает, что для английского характерно наличие морфологического оформления определенности/неопределенности, в отличие от русского.

В русском языке категориальное значение может выражаться не только артиклем, но и иными средствами. Важен учет множества элементов для адекватного соответствия в переводах и обоснования использования артиклей.

Категория определенности и неопределенности в языке – это сложная лингвистическая категория. От узкого понимания, привязанного к артиклям, лингвистика пришла к более широкому рассмотрению этой темы. Хотя ранее отсутствие артикля в русском языке означало отрицание самой категории, современные исследования показывают, что русский язык выражает детерминацию другими способами.

Таким образом, становится очевидным, что категория определенности и неопределенности, будучи фундаментальной для человеческого мышления и языка, реализуется различными способами в зависимости от лингвистической системы. Если в английском языке эта категория имеет четкое морфологическое выражение через систему артиклей, то в русском языке она проявляется более имплицитно, используя широкий спектр лексических, синтаксических и интонационных средств.

Это различие создает значительные трудности при переводе с одного языка на другой, особенно при передаче нюансов, связанных с определенностью или неопределенностью объекта или явления. Переводчику приходится тщательно анализировать контекст, чтобы выявить скрытые маркеры определенности в русском тексте и адекватно передать их средствами английского языка, и наоборот.

Как и любая грамматическая категория, определённость существует во взаимодействии со своей противоположностью — неопределённостью, образуя бинарную оппозицию. В ряде контекстов возможна нейтрализация данной оппозиции, однако большинство исследователей сходятся во мнении, что её сущность заключается в способе концептуализации предмета: как одного из множества однородных объектов либо как уникального, конкретного и известного участникам коммуникации.

В английском языке категория определённости/неопределённости имеет чёткое морфологическое выражение, прежде всего посредством системы артиклей. Помимо артиклей, важную роль играют указательные, притяжательные и неопределённые местоимения, семантика

которых способствует либо индивидуализации, либо обобщению обозначаемого предмета. Так, в предложении *“The wife wasn’t listening”* определённость выражается определённым артиклем, тогда как в конструкции *“His wife wasn’t listening”* аналогичную функцию выполняет притяжательное местоимение. К средствам выражения определённости в английском языке также относятся определители первого класса, сочетающиеся как с исчисляемыми, так и с неисчисляемыми существительными.

В русском языке категория определённости/неопределённости не имеет явного морфологического оформления, что, однако, не свидетельствует о её отсутствии. А.А. Реформатский подчёркивал, что русские носители языка способны воспринимать соответствующие значения, выражаемые посредством служебных слов, падежных форм (в частности, родительного падежа при отрицании), а также интонации как важного средства смысловой дифференциации.

В.Д. Аракин выделял такие средства выражения определённости и неопределённости в русском языке, как частицы, указательные и неопределённые местоимения, числительное *один*, функционально приближающееся к неопределённому артиклю, а также инверсию, при которой изменение порядка слов способствует актуализации значения неопределённости. Н.С. Трубецкой, в свою очередь, обращал внимание на роль притяжательных прилагательных и родительного падежа в передаче значений конкретности и индивидуализации.

Таким образом, в ходе анализа выявлено, что в английском языке категория определённости/неопределённости реализуется преимущественно морфологически, тогда как в русском языке она носит имплицитный характер и выражается совокупностью лексических, синтаксических и интонационных средств.

Проведённое исследование подтверждает, что категория определённости и неопределённости является универсальной лингвистической категорией, отражающей фундаментальные механизмы человеческого мышления. Несмотря на отсутствие артикля в русском языке, значения определённости и неопределённости в нём системно выражаются с помощью различных языковых средств.

Сопоставление английского и русского языков показывает принципиальное различие в способах реализации данной категории: в английском языке она имеет чёткое морфологическое оформление, тогда как в русском — более скрытый, контекстуально обусловленный характер. Эти различия создают определённые трудности в межъязыковом переводе и требуют тщательного анализа контекста для адекватной передачи смысловых оттенков. Результаты исследования могут быть использованы в теоретических курсах по грамматике и сопоставительной лингвистике, а также в практике перевода.

Список использованной литературы:

1.Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. - М.: Физматлит, 2000. - 256 с.
2.Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: МО, 1975. - 345 с.
3.Ильиш Б.А. Строй современного английского языка. - 2-е изд. - Л.: Просвещение, 1971. - 365 с.
4.Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 536 с.
5.Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. - М.: Прогресс, 1987. - 560 с.